

Ольга Антиевна СЕЛИВАНОВА –
докторант кафедры методологии и теории
социально-педагогических исследований,
кандидат педагогических наук

Ресоциализация «уличных» детей: проблема идентификации субъекта

УДК 376.5

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме ресоциализации безнадзорных подростков с использованием технологии уличной социальной работы в условиях молодежного досугового центра.

В работе рассмотрены вопросы влияния характеристик социального статуса безнадзорного подростка на эффективность процесса его ресоциализации.

The author focuses upon the problem of vagrant or homeless teenagers' re-socialization and considers the technologies of social work with homeless children within the limits of special juvenile centre. Special attention is paid to the dependence of effectiveness of re-socialization process upon social status characteristics of a homeless teenager.

Безнадзорный или уличный ребенок – это любой несовершеннолетний, для которого улица (в широчайшем смысле слова, включающем любые помещения, используемые как укрытия) является его обычным местопребыванием, а чаще – местом жизни.

Употребление терминов «уличный» или «безнадзорный» стало в последнее время практически повсеместным в литературных источниках, описывающих данное явление современной действительности. Тем не менее до сих пор не совсем ясно, что именно характеризуют эти термины: роль, статус, социальную группу, вариант субкультуры и т. п. Мы считаем, что от верного понимания данного вопроса напрямую зависит правильность подходов к определению направлений ресоциализации представителей этих групп.

Для анализа степени включения индивида в различные группы, а также положения, которое он занимает в каждой из них, и его функциональных возможностей по отношению к каждой группе используются понятия *социального статуса* и *социальной роли*.

Социальный статус обычно определяется как ранг или позиция индивида в группе или группы во взаимоотношениях с другими группами (некоторые социологи используют термин «социальная позиция» как синоним социального статуса). Социальная роль – это поведение, ожидаемое от того, кто имеет определенный социальный статус.

Социальный статус уличного подростка может быть определен как «бомж». Известно, что люди «без определенного места жительства» обычно относятся в социальной иерархии к маргинальным прослойкам общества. Маргинальность (от лат. *maggo* – граница, грань, край, *marginalis* – находящийся на краю) – это понятие, традиционно используемое в социальной философии и социологии для анализа пограничного положения личности или группы по отношению к какой-либо социальной общности [1;1]. Следует отметить особо, что практически всегда понятие «маргинальность» подчеркивает низкий социальный статус, принадлежность к меньшинству, которое находится на границе или вне социальной структуры, исповедует ценности, отличающиеся от общепринятой нормы и ведет образ жизни, воспринимаемый большинством «нормального» населения обычно как нарушение правил, угрозу личной и общественной безопасности, преступление или болезнь.

К сожалению, аналогичное отношение (в значительной степени менее афишируемое), но, тем не менее, безусловно, существующее, распространено среди профессиональных социальных работников и педагогов, сотрудников ОВД и подобных структур, непосредственно работающих с данной категорией детей. Говорить о необоснованности подобного восприятия довольно опрометчиво: достаточно столкнуться с «уличным» ребенком в условиях его родной стихии.

Тем не менее очевидно, что заведомо негативное, брезгливое и т. п. отношение общества к представителям маргинальных прослоек значительно снижает, иногда и вовсе сводя на нет, любые попытки к реинтеграции маргиналов в социум.

Еще Э. Дюркгейм первым указал на то, что наказание (осуждение) помимо непосредственной «защиты» общества имеет и другие в высшей степени важные функции. Оно в определенном смысле есть ритуальное проявление чувств, направленных на поддержание тех ценностей, которые нарушены преступником [2; 430]. Продолжая мысль Дюркгейма, Т. Парсонс считал, что наказание имеет тенденцию мобилизовать чувство солидарности в группе в интересах поддержания и сохранения конформности. Поскольку это жестко депривировывает поддержку девианта, девиант не может быть реинтегрирован в социальную систему: определение девиации как преступления вызывает такое отторжение девианта от социальной группы, которое делает маловероятным возвращение в нее [2; 432]. В целом маргинальность в основном понимается как нечто негативное, второстепенное. Причина подобного положения видится нам в том, что маргинальность и ее проявления обычно сравниваются с нормой (социальной, антропологической, этической, медицинской), любое отклонение от которой воспринимается как нарушение, угроза, преступление или болезнь.

Иными словами, мы видим, что маргинал — безнадзорный, порвав взаимоотношения с ближайшим окружением (семьей, школой и т. п.), изымается обществом из конструктивной социальной роли, изначально лишаясь возможности к ресоциализации.

Парадокс данной ситуации заключается в следующем. Решая первоочередные проблемы обеспечения собственной безопасности и выживания в условиях улицы, дети вынуждены не только не скрывать свой низкий социальный статус, но и усиленно его демонстрировать: чем беднее и «беспризорнее» выглядит «уличный» подросток в процессе, например, сбора милостыни, тем больше шансов разжалобить потенциальную жертву и получить желаемую еду или деньги. По данным проведенного нами опроса безнадзорных ребятишек г. Тюмени более 94% (опрошено 115 человек в возрасте от 8 до 19 лет), занимающихся попрошайничеством, сознательно используют различные методы усиления визуального восприятия собственной «убогости» прохожими (выходя «на заработки», они сознательно надевают более старую или легкую (зимой) одежду, изображают из себя психически либо физически неполноценных и т. п.). Подобное поведение, безусловно, приносит свои сиюминутные «положительные» плоды, но одновременно и усиливает пропасть между добропорядочной частью населения и изгоями общества, снижая перспективы возвращения последних в «большое» общество. Наша попытка сравнить поведение уличных подростков с поведением взрослых «бомжей» и попрошаек вызвала в среде респондентов искреннее возмущение. Большинство из опрошенных нами подростков рассматривают собственное поведение как своеобразную игру в переодевание, оценивая свою деятельность как «умную» «хитрую», «позволяющую обмануть доверчивых прохожих», тогда как аналогичное поведение взрослых маргиналов рассматривается ими как вынужденная мера «убогих и опустившихся» людей. На наш взгляд, данная точка зрения имеет принципиально важное значение, указывая на достаточно высокий уровень социальной самооценки личности безнадзорных подростков, отделяющих себя от «низших» слоев общества. В самооценке собственного положения подростков отсутствует негативизм оценки ситуации и равно-

душие к собственной личности. Большинство из опрошенных (86%) подростков оценивает свой статус как положительный и невынужденный. Следует оговориться, что подобного рода характеристики могут быть результатом действия механизмов психологической защиты личности и, тем не менее, они свидетельствуют о сохранности самоуважения и, в целом, конструктивном восприятии своего положения в окружающем мире.

Таким образом, думается, что безнадзорность можно понимать не только как социальное явление, но и как социальное определение, «ярлык», результат социальных договоренностей. Этот ярлык может приклеить человеку другой человек, группа людей или какая-то конкретная социальная система, в которой данное состояние принято считать отклонением от социальной нормы [3: 39]. С этой точки зрения безнадзорность — приписываемый статус, несущий негативно-оценочный смысл. Со стороны окружения происходит приписывание данному социальному классу атрибутов девиантности, во многом за счет действия механизма «ранней социализации» — доступности для «уличных» подростков взрослых поведенческих стратегий, осуждаемых в этом возрасте в норме.

Мы думаем, что социально-психологические проблемы реабилитации безнадзорных и «уличных» детей необходимо решать, не исходя из позиции оценки патологичности конкретного подростка или группы, которых следует изъять из «негативного» контекста улицы и вернуть в «позитивный» (?) контекст семьи либо приюта. Использование широко применяемых ныне «мероприятий» по насильственному помещению уличных детей в разнообразные приемники, приюты и центры заранее обречены на провал (этот тезис даже не требует статистического подтверждения, поскольку самоочевиден), т. к. сознательно приобретая статус «безнадзорного (уличного)» (до 70% детей покидают семью, детдома и т. п. по собственной инициативе), ребенок приобретает не столько объективно негативный социальный ярлык, сколько субъективно привлекательный статус самостоятельного во всех смыслах человека. И в этой ситуации любые попытки уже раз отвергнутого ребенком институционального общества насильно вернуть «блудного сына» в свое лоно фактически гарантированно безуспешны. (В данном случае имеется в виду не сам факт формального возвращения ребенка в семью или в приют, а собственно процесс ресоциализации, процесс эффективного включения возвращенного в социум, восстановление утраченных социальных функций и развитие новых, принятие самим человеком «большого» социума как поля собственной социализации).

Очевидно, что гораздо более эффективным может быть подход, основывающийся на механизме «достоинства риска» [3; 42], т. е. признании за «детьми улиц» право делать все, что и остальные люди, в том числе и самостоятельный выбор, и случайные ошибки. Предвидя благородное возмущение (как же такое вообще возможно разрешить «этим»!), хотелось бы припомнить чрезвычайно терпимое отношение общества к сверхэкстравагантным временами выходкам состоятельных представителей богемы, безнаказанно шокирующих своими поступками, а часто и всем образом жизни добропорядочный социум. Реабилитационная деятельность, основанная на предложении уличным детям гарантии сохранения их психосоциального здоровья в сочетании с предложением обеспечения индивидуальных личностно-значимых стратегий развития (например, помощь в оформлении паспорта, жилья, трудоустройстве и т. п.), которыми они могут воспользоваться по своему желанию, по нашему мнению, может принести значительно больше пользы.

В этом отношении огромное значение приобретает процесс повседневного взаимодействия с такими людьми, определения и переопределения жизненных ситуаций их участниками, насущных трудностей, стратегий и перспектив выхода из сложившейся ситуации и т. д.

В Тюмени в течение ряда лет на базе Центра внешкольной работы «Дзержинец» ведется работа по ресоциализации безнадзорных подростков с использованием технологии уличной социальной работы. Основными направлениями являются работа с безнадзорными подростками в условиях улицы, организуемая Службой полевой социальной работы Центра и социально-педагогическая, психологическая и медицинская реабилитация данной категории детей в низкопороговом клубе ЦВР «Дзержинец».

Низкопороговый клуб при Центре «Дзержинец» представляет собой отделение свободного анонимного доступа, оказывающее комплексную медико-психосоциальную помощь, предлагающее для детей и подростков «группы риска» возможность проведения организованного досуга, возможность свободного общения, создающее комфортную социально-психологическую нишу для ребенка, место, в котором становится возможным его частично восстановленный контакт с социумом. Основной целью деятельности низкопорогового клуба является создание мотивации у дезадаптированного безнадзорного ребенка на изменение образа своей жизни.

Опыт нашей деятельности в рамках Службы полевой социальной работы при Центре «Дзержинец» показывает, что к условиям, повышающим эффективность взаимодействия с «уличными» детьми и, как следствие, эффективность ресоциализации, могут быть отнесены следующие:

1. Свобода участия/неучастия ребенка в предлагаемой социальным педагогом помощи (ребенок может просто присутствовать при встрече, при беседе с другими ребятами и т. п.).

2. Многообразие видов и форм предлагаемой ребенку помощи с пояснением для него степени эффективности конкретного действия и возможных положительных и отрицательных последствий (например, педагог может не только разъяснить ребенку вред для организма того или иного заболевания, передающегося половым путем, но и проинформировать о месте получения медицинской помощи, предложить проводить туда ребенка в удобное для него время, оговорить возможность встречи с медицинским работником на нейтральной территории и т. д.).

3. Совместная деятельность социального педагога с «уличными» детьми должна создавать для них ситуацию успеха (даже минимального, сиюминутного), каждый раз иметь положительный результат.

4. Результат деятельности ребенка в процессе взаимодействия не должен быть растянут во времени, каждая встреча с социальным педагогом должна приносить ребенку конкретную помощь, новые знания, положительные эмоции и т. п.).

Следование в практике нашей деятельности названным правилам, по результатам наблюдений, повышает доверие ребенка к представителям социальной сферы, повышает их самооценку, улучшает эмоциональный фон взаимоотношений «уличных» детей с социальными педагогами. Вследствие этого возникает своеобразная социально-психологическая база личностной конструктивной активности конкретного ребенка, заинтересованного во взаимодействии с социумом по собственной инициативе, а не в результате оказываемого на него давления. А это, в свою очередь, позволяет надеяться на добровольное включение ребенка в процесс ресоциализации, на восстановление его как полноценного члена общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурин С. П. Маргинальная антропология. Саратов, 2000.
2. Парсонс Т. О социальных системах М., 2002.
3. Ярская-Смирнова Е. Р. Социальное конструирование инвалидности // Социс. 1999 № 4. С. 42.